

ГУСЕВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
gusevns@gmail.com

**Сербы-эмигранты в России, защищавшие интересы родины
в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета:
М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович.**

Аннотация: В статье показана судьба четырех выходцев из сербских земель, проживавших в России и защищавших интересы Сербии в публичном пространстве. М.М. Бойович (1872–1917) работал в газете «Русское слово» и журнале «Искры», был давним другом лидеров Радикальной партии, освещал Балканские и Первую мировые войны из Сербии. И.П. Табурно (1862–1913) был сотрудником «Нового времени» и личным другом Н. Пашича. Во время Балканских войн он не только в печати, но и перед правящими кругами России отстаивал интересы Сербии. Юрист и публицист Д.И. Семиз (1884–1955) во время Балканских войн защищал на общественных собраниях точку зрения Белграда, участвовал в формировании Сербского добровольческого корпуса в годы Первой мировой войны, но оставшись в России после 1917 г. был не единожды репрессирован. Ч.М. Иоксимович (1873–1944) трудился в текстильной промышленности, но в означенный период выступал с лекциями в поддержку Сербии, иногда и без ведома руководства страны, в 1920-е гг. он вернулся на родину.

Ключевые слова: Милан Бойович, Иероним Табурно, Душан Семиз, Чедомир Иоксимович, Балканские войны, Первая мировая война.

В Российской империи проживало немало выходцев из сербских земель¹. Кто-то из них известен в первую очередь как герой русской истории (например, М.А. Милорадович), но были и те, кто в

1 Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-512-76004 ЭРА.а.

России оставался сербом и защищал интересы своей родины. Данная статья посвящена четырем таким фигурам, отстаивавшим интересы Сербии на поле русского общественного мнения во время Балканских и Первой мировой войн.

В 1912 г. началась Первая балканская война, в которой Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи с целью разделить европейские владения султана. Однако желания сербов приобрести выход к Адриатике, а черногорцев – порт Скутари натолкнулись на противодействие Австро-Венгрии, добивавшейся создания на этой территории независимой Албании. В Белграде и Цетинье в поиске защиты обратили свои взоры на Петербург, сербские общественные деятели пропагандировали в российской столице идею войны с дуалистической монархией. Но руководство России не решилось на полномасштабную войну. Тогда Сербия выступила с идеей пересмотра союзного соглашения с Болгарией в части раздела Македонии. В Софии нервно отреагировали на данное предложение. Согласно тому же соглашению, арбитром в споре двух южнославянских государств являлся российский император. И обе стороны обратились за поддержкой к российскому общественному мнению, для пестования необходимых настроений используя все возможные ресурсы².

Интересы Сербии защищали в том числе приехавшие из Белграда профессора Р. Кошутич, А. Белич и М. Вукичевич, политик Дж. Генчич, а также сербы-журналисты и общественные деятели, давно жившие в России.

Таковым являлся журналист Милан Михайлович Бойович. Он родился в 1872 г. в Рашке в семье учителя. Затем его семья переехала в Белград, а Милан после 4 классов гимназии уехал в Россию, учился в киевских духовных учебных заведениях, потом поступил в Московский университет. Здесь, еще будучи студентом, он стал помощником знаменитого журналиста В.А. Гиляровского в газете «Россия»³. Когда создавалась газета «Русское слово», Бойович начал ра-

2 Об этом см.: *Гусев Н.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2; *Гусев, Н.С.* Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. М.; СПб., 2017.

3 *Гиляровский В.А.* Москва газетная // Собрание сочинений в четырех томах. М., 1999. Том III. С. 190–191.

ботать в ней и оставался ее сотрудником вплоть до своей смерти. Со временем он вдобавок занял пост редактора журнала «Искры», выходившего как приложение «Русского слова». Иллюстрированное издание, наглядно доносящее до читателя информацию, стало основным детищем Милана Михайловича. Эти органы печати входили в издательскую империю И.Д. Сытина, и когда возникла идея составить иллюстрированный справочник депутатов Государственной Думы, то этим занялся Бойович, изменяя и дополняя книгу к каждому созыву народных избранников⁴.

Параллельно он сотрудничал с изданием сербской радикальной партии «Одъек»⁵. В 1899 г. когда Гиляровский поехал в Белград, он вез с собой письмо от Бойовича редакторам «Одъека» С. Протичу и Н. Пашичу. Однако он прибыл в сербскую столицу после покушения на Милана Обреновича, и естественно, письмо передать не смог, да и сам чудом невредимым покинул Сербию, хотя уже распространились слухи о его казни⁶.

Во время Балканских войн Бойович отправился в Белград, откуда освещал события. Здесь его привечал старый знакомый по «Одъеку». Бойович сообщал редактору «Русского слова»: «С Пашичем разговариваю каждым вечером по часу на его квартире, и знаю все, что было за день». Не обделяли его вниманием и монаршие особы: «Во дворце был несколько раз по личному приглашению короля и наследника», – сообщал он своему газетному руководству⁷. Затем Бойович уехал непосредственно на линию фронта, а на его место прибыл Н.П. Брио. Во время Первой мировой войны он вновь был на родине, сопровождал сербов вплоть до эвакуации на Корфу. Умер Милан Михайлович от сыпного тифа в дни боев в Москве в 1917 г. всего 46 лет от роду. В некрологе редакция «Русского слова» подчеркнула не только его журналистские таланты, но и патриотизм, именуюя Бойовича «пламенным поборником всеславянского единения перед угрозой германского Drang nach Osten», «сербом по племени и подданству, гордым, как все сербы, своим рождением, пламенеющим беззаветной до мучительства любовью к родине». И даже

4 Наши депутаты. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв / сост. М.М.Бойович. М., 1906 и последующие издания.

5 Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 224.

6 Там же. С. 233–239.

7 Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012. С. 308–309.

утверждалось, что за свои заслуги перед местной сербской колонией он стяжал «шутливое, но меткое прозвище неофициального сербского консула», а его «горячую преданность славянскому делу высоко ценили люди, управляющие судьбами Сербии, начиная с вождя ее Николы Пашича». О признании его заслуг говорило и то, что отпевание в квартире Бойовича служил настоятель храма Сербского подворья архимандрит Михаил⁸.

Менее известен и публичен, но более ярок в защите сербских интересов перед российским правительством был сотрудник газеты «Новое время» Иероним Павлович Табурно. Он родился в Боке Которской в 1862 г., окончил Венский университет по специальности инженера. После участия в антиавстрийском восстании в Герцеговине вынужденно переехал в Черногорию, затем – в Болгарию⁹. Там в 1884 г. он познакомился с будущим вершителем судеб Сербии Н. Пашичем (они вместе работали на строительстве Русе-Варненской железнодорожной линии¹⁰), и между ними на долгие годы завязалась тесная дружба. Затем в связи с изменением ситуации в Болгарии оба эмигранта были вынуждены покинуть эту страну и отправиться в Россию. Через некоторое время Пашич триумфально вернулся на родину и в 1891 г. возглавил правительство, а Табурно остался в России и продолжил карьеру инженера: принял участие в строительстве Закаспийской, Сибирской, Московско-Ярославско-Архангельской железнодорожных линий. Параллельно началась его карьера публициста: он стал печататься в газетах «Россия», «Русская земля», вошел в штат «Нового времени»¹¹. В 1899–1900 гг. он организовал издательское товарищество «И.П. Табурно и К^о», но вскоре, видимо, был вынужден отказаться от этого предприятия и вернуться к работе инженера. Тогда же начали выходить его брошюры, связанные с проектами железнодорожного строительства, а затем и книги аналитического характера, касающиеся различных сторон экономики России¹².

8 Бессонов В.А. Три судьбы на переломе эпохи // Московский журнал. 2018. № 1. URL: <http://mosjour.ru/2018018796/> (Дата обращения: 30.09.2019).

9 Новое время. 1913. 29 мая.

10 Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 284К. Оп. 1. А.е. 334. Л. 2.

11 Золотая книга Российской империи. СПб., 1908. С. 82.

12 Напр.: Табурно И.П. 1) Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск – Петербург). СПб., 1902; 2) Необходимые мероприятия для создания экспорта за границу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб., 1902; 3) О применении системы «воздуш-

В 1903 г. Иероним Павлович принял участие в экспедиции Н.Г. Гарина-Михайловского, готовившей проект железнодорожной ветки в Крыму. Табурно, как признавал сам Гарин-Михайловский, был ему навязан сверху, но поскольку являлся «крупным, очень знающим инженером», стал помощником начальника экспедиции. Хотя их политические взгляды и расходились, Иероним Павлович бывал в имении Гарина-Михайловского в Кастрополе, привозил туда сына Вука, от которого требовал при представлении незнакомцам не забывать, что он черногорец, «а не нянькин сын». В один из таких визитов в имении гостил писатель А.И. Куприн, который затем свои впечатления от Кастрополя выразил в не дошедшей до нас поэме, где были в том числе следующие строки:

«Но спорит яростно и бурно
Всегда стремительный Табурно»¹³.

В эти годы сотрудничество с «Новым временем» не прерывалось, у издателя газеты А.С. Суворина Табурно был, видимо, на хорошем счету, поскольку в 1904 г. ему доверили возглавить только что созданную московскую газету «Телефон “Нового времени”», где публиковались извлечения из головного издания¹⁴. Работа в данном печатном органе была прервана командировкой в качестве корреспондента «Нового времени» на русско-японскую войну, на которой Табурно находился с 12 января по 14 марта 1905 г., и по итогам подготовил книгу своих заметок и впечатлений¹⁵. После войны он принял русское подданство, и был пожалован в потомственное дворянство¹⁶. В 1907 г. Табурно участвовал в проектировании и строи-

ных контактов» для электрических трамваев и электрических железных дорог. СПб., 1902; 4) Пояснительная записка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб., 1902; 5) Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб., 1903; 6) Крестьянский земельный вопрос. СПб., 1906; 7) Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб., 1907 и др.

13 Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966. С. 168–170.

14 Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4173. Л. 2–4.

15 Буранок А.О. Книга И.П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 2–3 декабря 2005 г. / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2005. С. 186.

16 Новое время. 1913. 29 июня.

тельстве столичного трамвая, в 1908 г. являлся редактором газеты «Вечер»¹⁷. Летом 1912 г. сербский парламент именно его утвердил застройщиком порта Прахово на Дунае¹⁸. Вряд ли конкурс был проведен совсем без участия лидера правящей Радикальной партии Пашича. Разносторонняя активность Иеронима Павловича рождала вопросы, особенно учитывая обретение им дворянства и упоминание Гарина-Михайловского, что инженер ему был навязан сверху. И как вспоминал сербский посланник в Петербурге Д. Попович, он знал, что Табурно – друг Пашича, что у него есть красиво обставленная квартира и элегантный экипаж, что он в «Новом времени» активно отстаивает интересы Сербии, но «точно не знал, кто он и чем занимается»¹⁹.

С началом Первой балканской войны Иероним Павлович отправился в Сербию как корреспондент «Нового времени». Из Белграда на шесть дней он приехал в качестве сотрудника «Нового времени» в Софию. Как сообщил своему руководству тамошний российский посланник А.В. Неклюдов, журналист имел беседу с премьером И. Гешовым, и рассказал ему, «будто бы государь император, приняв недавно Михаила Суворина²⁰, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию». Посланник просил болгарского главу правительства не слушать эти рассказы, верить передаваемым указаниям МИД, но, как он прибавил, «я уверен, что последний сделал здесь свое дело». Эта телеграмма попала Николаю II, на которой он сделал помету «Неправда», относящуюся к якобы его словам²¹.

После начала мирных переговоров в Лондоне зимой 1912 г. Табурно вернулся в Россию и подготовил к публикации книгу о Сербии во время осенних сражений. Однако это было в большей мере не описание викторий армии короля Петра, а попыткой доказать русскому обществу необходимость приобретения Белградом Адриатического побережья, ведь Сербия, по словам Табурно, без выхода к Адриатике «не может существовать как независимое государство».

17 Золотая книга Российской империи... С. 82.

18 Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 103.

19 Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173.

20 Михаил Алексеевич Суворин – сын А.С. Суворина, основателя газетной империи, в это время – редактор «Нового времени».

21 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940. С. 234.

«Для Сербии это вопрос жизни», – писал он²². Оправдывалась и жестокость по отношению к местному мусульманскому населению, поскольку турки и албанцы долгие годы методично истребляли сербов, и, как ему говорил российский консул в Скопье и другие его коллеги, «промедли Сербия еще лет 5–6, ни одного серба в этом крае не осталось бы». Этого, по мнению корреспондента «Нового времени», было достаточно, чтобы «сербы вполне основательно расстреливали арнаутов, сдающихся и затем нападающих»²³. Доказывал автор и «абсурдность» идеи создания албанской государственности: «Толкуют культурные дипломаты о какой-то автономии Албании, где бы эти арнауты сами были хозяевами... Что же это за государство может быть, где эти звери будут полными хозяевами? Это будет зверинец, а не государство! Это будет гнездо пиратов, разбойников!»²⁴. Среди его аргументов было и отсутствие албанской этнической общности. По мнению Табурно, данный народ представляет из себя большое количество племен, не имеющих ничего общего друг с другом: не существует единого языка (и, как следствие, признака культурности – литературы), конфессиональные различия приводят к постоянной междоусобной борьбе. А объединили их в одну общность лишь «чисто по практическим и географическим доводам»²⁵.

В то же время журналист подчеркивал благородное поведение сербов, рассказывая о лежащих в белградском госпитале турках и албанцах, к которым русская великая княгиня Елена Петровна, являвшаяся дочерью сербского короля Петра, относилась с такими же нежностью и лаской, как и к своим соотечественникам, что вызывало у раненого противника восхищение²⁶.

В конце книги Табурно доказывал необходимость активной политики России в вопросе об Адриатическом побережье. Он начал с того, что Австро-Венгрия не может настаивать на своей точке зрения по праву сильного, поскольку ее армия блестящих военных побед никогда не одерживала. Далее была сформулирована следующая мысль: слова о том, что нельзя начинать войну из-за порта на Адриатике, надо адресовать Вене, а Петербург совместно с Европой

22 Табурно И.П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 138.

23 Там же. С. 97.

24 Там же. С. 61–62.

25 Там же. С. 135–136.

26 Там же. С. 117.

должен сказать: «порт должен быть дан Сербии, нельзя из-за него затевать европейскую войну, никому этот порт не может мешать, а Сербия как независимое государство, без него существовать не может». Для Антанты, по его мнению, «непростительно и даже преступно» оставлять в «экономическом порабощении» своего балканского союзника.

В заключение Иероним Павлович выражал убежденность, что Россия сумеет употребить себе на пользу создавшееся положение и не оставит на произвол своего верного союзника. Но сербам необходимо предоставить и «более веские доказательства дружбы и поддержки. Недостаточно лишь восторгаться их победами, их успехами»²⁷.

Доклад на основе этой книги Табурно читал в присутствии военного министра в собрании армии и флота, текст был отправлен великому князю Николаю Николаевичу и императору Николаю II. Монарха заинтересовал рассказ Иеронима Павловича, и он его пригласил на аудиенцию, но Табурно спешил в Лондон на переговоры и ждать не мог. В ноябре журналист посетил нескольких влиятельных сановников и отчитался о встречах Пашичу. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов и премьер В.Н. Коковцов высказались против требований Сербии, с последним Иероним Павлович вел разговор на повышенных тонах и бросил оскорбление: «Вы – больше австриец, чем Бертольд». Бывший глава правительства, а в тот момент – член Госсовета С.Ю. Витте был более ласков с выходцем из Боки Которской, говорил, что, видимо, победу одержат сторонники войны. Закончил письмо Табурно напутствием, резюмирующем собранные им сведения: «Ну с Богом, дорогой Никола, будь крепок, все военные и многие другие, невоенные, говорят, пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»²⁸.

Когда в 1913 г. в Белграде выдвинули к Софии требование территориальной компенсации в Македонии, перо Иеронима Павловича стало орудием в новом информационном противостоянии. Вышла его книга, означенная как доклад «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией».

27 Там же. С. 140–144.

28 Гусев Н.С., Шемякин А.Л. «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И.П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. // Славянский альманах. 2019. № 3–4 (в печати).

Этот доклад 11 июня²⁹ он послал в Белград, вместе с письмом Ристе Одавичу, видному сербскому интеллектуалу, переводчику, директору Архива Сербии, где просил перевести и издать его на сербском и французском языке³⁰. 22 июня журналист вновь встречался с В.Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и считает доводы справедливым. Об этом Табурно сообщил Пашичу через посланника Д. Поповича³¹.

В книге обосновывались сербские претензии на Македонию в историческом, этническом и политическом ракурсах. Последний аргумент уже был обращен непосредственно к русскому обществу. В его же интересах, по мнению Табурно, было усиление Сербии, поскольку она – первый заслон на пути Австро-Венгрии. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», – писал он³².

Вместе с тем Иероним Павлович принимал участие в различных общественных собраниях, одно из которых стало для него роковым. 28 июня 1913 г., уже после начала Второй, Межсоюзнической, балканской войны Табурно выступал в Юридическом собрании, когда, согласно журналу «Искры», «присутствовавшие болгары прервали его речь криками протеста»³³, что затем повлекло сердечный приступ. Его привезли домой, вызвали врачей, но ничего не помогло, и вечером Иероним Павлович скончался. Как считал автор некролога в «Новом времени», «междоусобица заставила его сердце работать столь усиленно, что оно не выдержало и перестало биться»³⁴. Смерть журналиста и инженера показала, каковым было отношение к нему в Сербии. Король Сербии Петр по телеграфу выразил свои соболезнования, а Пашич сообщил, что погребение будет оплачено сербским правительством. Дочь короля Петра русская княгиня Елена Петров-

29 На письме указано, что письмо написано 11 июля, но 28 июня (ст.ст.) И.П. Табурно скончался. В то же время в Сербии, как и в России придерживались юлианского календаря, поэтому, по всей видимости, автор просто совершил опisku. Если допустить, что он пользовался григорианским календарем, то письмо И.П. Табурно датировал днем своей смерти.

30 Архив Србије (далее – АС). Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А.е. 367. (документ любезно предоставлен А.Л. Шемякиным).

31 Москва–Сербия... С. 429.

32 Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 39.

33 Искры. 1913. № 26. С. 207.

34 Новое время. 1913. 29 июня.

на и петербургские сербы возложили цветы к его могиле. Процессия двигалась по Невскому проспекту, отпевание прошло в Благовещенском храме Александро-Невской лавры³⁵. «Искренний серб и славянин», как его называли соотечественники М.М. Вукичевич и Д.И. Семиз вскоре³⁶, не дожидаясь триумфа своего дела – подписания Бухарестского мира, поставившего счастливую для Белграда точку в споре о Македонии. Сын Иеронима Павловича принял участие в Первой мировой войне, затем в Гражданской на стороне белых и с армией генерала Врангеля покинул Россию. В 1929 г. он переехал в Париж³⁷, где сменил черногорское имя на более «европейское» Виктор и стал сниматься в кино под именем «Victor Tabournot», в 1965 г. он скончался...

Однако «сербская деятельность продолжается и усиливается... ни одно научное или политическое собрание не проходит без того, чтобы слово не взял Семиз..., Лавров, Вукичевич и пр.», – сообщал своему руководству болгарский посланник в Петербурге Р. Дмитриев в начале 1914 г.³⁸.

Означенный в телеграмме Семиз – это давно осевший в России Душан Иванович Семиз, родившийся в 1884 г. в Герцеговине, в г. Мостар. Его детство обросло легендами. Племянник жены рассказал о семейном предании, согласно которому, «мальчишеское бахвальство древностью своих фамилий, завершившееся незначительной потасовкой на традиционном приеме у их родственника – наследного принца Карагеоргиевича, привело к тому, что больше Душану увидеть родные места не довелось». Здесь стоит указать на то, что до 1903 г. на сербском престоле находилась иная династия – Обреновичи. Тот же автор утверждает, что соседом Д.И. Семиза по партии был Симон Петлюра³⁹. Но эти данные, хотя бы на том основании, что у них существенная разница в возрасте, опроверг историк А.Н. Горяинов⁴⁰. В реальности бегство из Герцеговины состоялось после

35 Исторический вестник. 1913. № 8. С. 751–752.

36 Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Сербия и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 258.

37 Vasarely V. Viktor de Taburno. My Father. URL: <http://www.michelevasarely.com/mentors/Viktor-de-Taburno.html> (Дата обращения: 30.09.2019).

38 ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2об.

39 Рогов Д.К. Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998. С. 31.

40 Горяинов А.Н. Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Ученский сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003. С. 87.

изгнания из мостарской гимназии из-за участия в сербском национально-освободительном движении и близости к тайным организациям «Черная рука» и «Млада Босна». Приютил Семиза в Полтаве дальний родственник Й.Х. Пичета, и он рос вместе с будущим знаменитым славистом и организатором науки В.И. Пичетой. Окончив юридический факультет Казанского университета, Душан Иванович переехал в Петербург, стал правоведом, работал в городской управе, часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах, был избран членом Сербской Матицы⁴¹.

Во время Балканских войн он активно выступал в поддержку сербской позиции, в том числе и в обществе славянского научного единения, секретарем которого являлся. Примечательно, что в одном из своих выступлений он привел аргумент, почти дословной совпавший с речью Р. Кошутича, произнесенной несколько ранее и в другом месте⁴².

Весной 1913 г. Семиз публично защищал права Черногории на порт Скутари, который, согласно планам Австро-Венгрии, должен был отойти Албании. Душан Иванович при этом не просто отказывал албанцам в этнической общности, он их и вовсе считал сербами. Он выстроил следующую логическую цепочку. Ряд черногорских родов являются кровными родственниками албанских племен, следовательно, последние – сербы. Поскольку основная масса населения спорного города состоит именно из этих племен, то и город по своему этническому составу – сербский. И в качестве неопровержимого довода он привел сведения, что по измерениям черепов жители Скутари не отличаются от населения Герцеговины⁴³.

Уже в ходе сербско-болгарского противостояния на одном из заседаний «Группы прогрессивных общественных деятелей» Семиз зачитал донесения сербских начальников македонских уездов о бесчинствах болгар над турками. Причем эти документы были приведены с именами, точными датами и делопроизводственными номерами

41 *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6... С. 27–30; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 286–287.

42 *Гусев Н.С.* Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 191.

43 *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия. (Историческая правда и правительственная декларация) // Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 19–22.

ми⁴⁴. Трудно предположить, что такую точность он мог обеспечить по личным каналам, без помощи со стороны правительства. Помимо этого вместе с Миленко Вукичевичем он подготовил книгу с параллелями об обретении свободы сербами и болгарами, где доказывались извечное стремление сербов к свободе и болгарская индифферентность к подобным материям. «Между тем, надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250,000 человеческих жизней», – приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период⁴⁵. При этом после Прутского похода 1711 г. «ничего не было выговорено в пользу сербов-черногорцев»⁴⁶, и в 1878 г. Россия поддержала Болгарию, свою «любимицу», ничего не сделавшую для свободы⁴⁷.

Не оставила Душана Ивановича в стороне и Первая мировая война. Уже 29 июля он подал рапорт своему начальству в столичной управе с просьбой предоставить ему долгосрочный отпуск за свой счет, поскольку «желая принести посильную помощь родившему меня сербскому народу, я отправляюсь добровольцем на театр военных действий»⁴⁸. Вернувшись в Россию, он опубликовал несколько брошюр. Одна из них рассказывала о трудностях, с которыми боролся сербский народ в текущей войне⁴⁹, а вторая касалась взаимоотношений Сербии и «австрийских сербо-хорватов»⁵⁰. Но главным его делом для родины стало другое. В 1915 г. он занялся вербовкой в формируемый сербский добровольческий корпус⁵¹. Его активная деятельность в этом направлении поводом для полицейской проверки.

44 Сербско-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 108.

45 Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 251.

46 Там же. С. 241.

47 Там же. С. 239.

48 Рожественская М.В. Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья. Заметки к материалам петербургских и московских архивов // Slověne=Словѣне (Словене). 2017. № 2. С. 508.

49 Семиз Д.И. Сербская Голгофа. О сербско-немецкой войне. М., 1916

50 Он же. Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916.

51 Вишняков Я.В. Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. М., 2014. С. 46.

В 1916 г., представившись полковником сербской армии, Семиз обратился в Московское археологическое общество с предложением прочесть лекции о Сербии. Но председатель общества П.С. Уварова сначала отправила градоначальнику письмо от 19 февраля, в котором просила выяснить, не является ли обратившийся «просто каким-то аферистом», поскольку «не внушает мне доверия, главным образом потому, что рассказывает, что ему поручено у нас в России вызывать среди военнопленных охотников идти сражаться за Сербию, и что он уже набрал 50 тысяч таких охотников». Градоначальник отправил в МВД запрос, «что это за тип».

А далее под грифом «секретно» завертелась машина проверки в отдельном корпусе жандармов. Выяснилось, что Семиз носил форму поручика сербской армии⁵², проживал в гостинице Метрополь, имел заграничный паспорт, выданный столичным градоначальником 2 октября 1915 г., удостоверение сербского королевского двора, что он офицер сербской армии, «какое-то разрешение от русского военного начальства, но какое именно, не установлено», что он в праве вербовать австрийских военнопленных-славян для сербской армии, «какое-то свидетельство, тоже не установлено», с отметкой, что он освобожден от призыва в русскую армию. Сведений о шпионаже, судимости было не выявлено⁵³. Дальнейшая судьба Добровольческого корпуса известна, но о какой-либо грандиозной роли Семиза в его истории сведений обнаружить не удалось.

Несмотря на победу дела, которому служил Душан Иванович, он после 1917 г. он остался в России вместе с женой сотрудницей Эрмитажа, и, вероятно, поступил опрометчиво. После революции Семиз жил в Петрограде (Ленинграде), публиковался в журнале «Нова Европа»⁵⁴. В 1920-е гг. работал юрисконсультom в ленинградском Губисполкоме, а затем – Облисполкоме, подготовил пособие «Спут-

52 В российском документе августа 1917 г. он назван корнетом (Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны М., 2016. С. 187). В то же время в сербском документе от 7 сентября 1917 г. он охарактеризован как «бывший сербский кавалерийский подпоручик запаса, а сейчас русский кавалерийский поручик запаса» (Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства... С. 325.)

53 Государственный архив Российской Федерации (далее –ГАРФ). Ф. 63. Оп. 36. Ед. хр. 267. Л. 1–13.

54 *Semiz D. Pred zoru velikih dana // Nova Evropa. 1929. № 8.*

ник управдома»⁵⁵. В это время он имел доверительные отношения с видным деятелем Коммунистической партии Югославии Г. Вуйовичем⁵⁶. Однако в 1929 г. последовал арест. Осужденный за взяточничество и растрату, он провел 5 лет в Медвежьегорском и Беломоро-Балтийском лагерях.

Освобожденный досрочно «за ударную работу и трудовые зачеты», Семиз вернулся в Ленинград. Здесь в 1934 г. по рекомендации свежеепеченного академика, специалиста по болгарской истории и филологии, верного марриста Н.С. Державина устроился в Секцию научных работников при Профсоюзе работников политико-просветительных учреждений СССР. Академик, позабыв свои прежние отзывы о работах Душана Ивановича⁵⁷, охарактеризовал его как «специалиста по истории Югославии и единственного у нас в Ленинграде квалифицированного специалиста в этой области»⁵⁸. Стоит признать, что такая характеристика вполне могла быть правомерной, поскольку в 1934 г. уже набрало свои обороты «дело славистов», когда многие видные славяноведы оказались арестованы.

Самого Семиза в тот год не тронули. Но в 1938 г. его вновь арестовали. Содержался он в «Крестах» вместе с Л.Н. Гумилевым. В 1939 г. суд приговорил Душана Ивановича к пяти годам лагерей за шпионаж, охарактеризовав его как «активного участника сербской освободительно-революционной организации». Как сам Семиз объяснял в 1941 г. в письме В.И. Пичете – за принадлежность к «Черной руке». Начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула выход на свободу до февраля 1947 г. Однако 14 декабря 1948 г. Семиза

55 Спутник управдома. На 1926 г. / под ред. Д.И. Семиза. Л., 1926.

56 Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. М., 2005. С. 421–422, 450–452. В показаниях Б.В. Астромова-Кириченко, однако, Вуйович по непонятной причине называется Бойевичем. Судя по должности и озвученной в документе биографии, речь шла именно о Г. Вуйовиче.

57 Так, в своей работе о македонском вопросе в 1914 г. Н.С. Державин писал об упоминавшейся книге Д.И. Семиза и М.М. Вукичевича: «Если бы эта книга была написана по-сербски, ее можно было бы с успехом игнорировать, как абсолютно не заслуживающую внимания, но написанная на русском языке, стало быть для русского читателя, эта книга должна быть подвергнута с нашей стороны самому суровому обличению, как клеветнический навет на болгарский народ, как новая попытка вовлечения русского читателя в братоубийственную распрю, как, наконец, книга, безусловно, вредная с точки зрения интересов общеславянской солидарности и единения» (*Державин Н.С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос*. СПб., 1914. С. 112.)

58 *Рождественская М.В. Из истории...* С. 518.

опять арестовали и отправили в ссылку в Казахстан, из которой освободили только после смерти Сталина. Тем не менее, реабилитирован он был только после смерти, которую встретил в родном городе жены Мышкине в 1955 г.⁵⁹.

Упомянутая осторожность графини Уваровой, по всей видимости, была вызвана, в том числе и казусом, в котором главной фигурой являлся Чедомир Милитевич Иоксимович.

Про него сведений совсем немного. Он родился в 1873 г., около 1897 г. переехал в Россию, был редактором-издателем журнала «Вестник мануфактурной промышленности», по крайней мере, с 1909 г. входил в Общество славянской культуры⁶⁰. Во время Балканских войн Иоксимович занимался организацией и чтений публичных лекций о событиях на полуострове. Так, 11 октября 1912 г. в Москве в Политехническом музее он выступал с академиком Ф.Е. Коршем, В.Т. Михайловским, К.С. Кузьминским и другими. Мероприятие позволило собрать 300 рублей чистого дохода, переданного в распоряжение Московского славянского комитета⁶¹. 9 ноября 1912 г. к временно исполняющему обязанности московского градоначальника обратились Иоксимович и казначей Общества славянской взаимности З.И. Рейман с «принципиальным вопросом» о возможности устроить 15 ноября лекцию о Балканской войне при участии Р.И. Кошутича, В.А. Бобринского, И.В. Никанорова, В.В. Карпинского, А.Н. Брянчанинова, Ч.М. Иоксимовича, ручаясь за «сдержанность ораторов» и обещая не касаться внутренней и внешней политики России, взаимоотношений с Австро-Венгрией. Проконсультировавшись с директором Департамента полиции, московский чиновник дал разрешение на мероприятие⁶².

59 К сожалению, указанная статья уважаемого филолога-медиевиста страдает от того, что здесь гуманитарий вторгся в смежную науку, не поняв ее особенности. Цитируемые в статье документы хотя и имеют большое значение, но приводятся некритически и в отрыве от контекста и биографии героя, что заставляет читателя самого восстанавливать жизненный путь Семиза. По этой причине, а также в силу ряда неточностей остаются актуальными слова Я.В. Вишнякова – биография Семиза «еще ждет своего внимательного исследователя» (*Вишняков Я.В. «Черная рука» и Сербский добровольческий корпус // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 75*).

60 *Горяинов А.Н. В.И. Пичета как поборник... С. 294.*

61 *Шевцова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 79. Г.И. Шевцова ошибочно указывает инициалы Чедомира Милетевича Иоксимовича как «Ч.И.».*

62 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. 2е делопроизводство. 1912 г. Д. 30. Ч. 19. Л. 1–4.

Первая мировая война Иоксимовича, как представляется, не так всколыхнула, как Семиза, поскольку в 1915 г. он опубликовал первый том «Мануфактурной промышленности в прошлом и настоящем»⁶³, и первый выпуск «Мануфактурной промышленности накануне мировой войны»⁶⁴. Судя по нумерации, он собирался заниматься этими изданиями вплотную, но уже в 1914 г. очутился в центре полицейского расследования.

2 октября Иоксимович пришел к казанскому губернатору и заявил, что он командирован сербским посольством «для поднятия путем устройства лекций и после них прений по славянскому вопросу чувства симпатии к сербам и черногорцам» и параллельного сбора пожертвований. В связи с этим он испрашивал разрешения на публичную лекцию, на которую должен прибыть из Москвы настоятель Сербского подворья архимандрит Михаил. Глава региона дал свое согласие, были напечатаны афиши, где Иоксимовича именовали сербским королевским агентом и обещали, что силами нескольких хоров «перед началом лекции будет исполнен апофеоз “Всеславянское единение”». 3 ноября при большом скоплении людей лекция состоялась «с выдающимся успехом», сбор с учетом билетов составил 675 руб. 75 коп. Неоднократно были исполнены гимн Российской империи и ее союзников, выступали местный городской голова и предводитель дворянства, хотя сербского церковного иерарха не было.

Однако губернатора что-то смутило, и он попросил Иоксимовича представить смету. Она не удовлетворила представителя властей, которому показалось, что сербский подданный «преследует лишь свои личные интересы». 8 ноября губернатор отправил всю информацию в департамент полиции. 25 ноября министр внутренних дел передал информацию главе МИД, добавив, что Иоксимович в итоге перечислил посольству «менее 18% всего дохода лекции», и на усмотрение главы внешнеполитического ведомства оставил вопрос, стоит ли информировать сербское дипломатическое представительство. Сербская миссия, видимо, была поставлена в известность, поскольку 21 декабря просила сообщить министру иностранных дел, что «сербский подданный Чедомир М. Иоксимович» не является

63 *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915.

64 *Он же.* Мануфактурная промышленность накануне мировой войны. Вып. 1. М., 1915.

сербским агентом и не командирован сербской миссией ни для лекций, ни для сбора пожертвований. А потому представители Белграда просили самозваному защитнику родины пресечь «возможность злоупотреблять симпатиями русского общества».

После этого заместитель главы МВД В.Ф. Джунковский 2 января 1915 г. разослал главам регионов информацию о Иоксимовиче и попросил «не допускать такие собрания или сборы». Внезапно из Ташкента пришел ответ. Сообщалось, что «торговый агент серб Иоксимович» просил разрешения от своего имени проводить лекции, обязавшись доход отправлять в сербское посольство. Программу мероприятия одобрил военный губернатор, лекция в присутствии чина полиции была прочитана корректно, а сбор от нее отправлен по назначению. В связи с этим, писал генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон, «нет препятствий дальнейшей патриотической его деятельности под наблюдением местных властей». В результате в департаменте полиции пришли к самому простому решению, возложив право принятия решений о лекциях на местные власти⁶⁵.

Дальнейшая биография Иоксимовича, впрочем, как и предыдущая, прослеживается отрывочно. После революции он остался в России и 27 сентября 1920 г. обратился с письмом к главе СНК В.И. Ленину с просьбой его принять, поскольку у него есть идея «безболезненного прекращения войны с Польшей». Себя Иоксимович охарактеризовал как «народного социалиста и славянофила-федералиста» и рассказал, что при Временном правительстве являлся комиссаром Первой сербской добровольческой дивизии, а на момент написания обращения работал преподавателем на прядильно-ткацких курсах при предприятиях в Высоковске и Дедовске⁶⁶. Неизвестно, выслушал ли Ленин это заманчивое предложение, но в учебники миротворец Иоксимович не вошел. Более успешной являлась его деятельность как автора пособий по ткачеству и мануфактурному делу. В 1922 г. вышло как минимум две его книги, а в предисловии к одной из них он перечислил 17 изданий, автором которых являлся⁶⁷. Выдержаны труды были в восторженном духе по отношению к «переживаемой нами Великой революции»⁶⁸. Тем не менее, Иоксимо-

65 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123 (4-е делопроизводство. 1914). Ед. хр. 168. Л. 1-16.

66 Горяинов А.Н. В.И. Пичета как поборник... С. 293-294..

67 Иоксимович Ч.М. Первая рабочая фабрика. М., [1922]; *Он же*. Ткацкий справочник. М., 1922.

68 *Он же*. Первая рабочая фабрика... [Предисловие]

вич отправился на родину. Здесь он основал первую ткацкую школу в Панчеве, а в 1927 г. в Лесковаце по его инициативе была открыта Профессиональная средняя техническая текстильная школа, в которой он стал преподавать⁶⁹. Активно он публиковался в специализированных изданиях. Умер Ч.М. Иоксимович в 1944 г. и похоронен в Белграде на Новом кладбище⁷⁰.

Представленная галерея портретов показывает, что сербы, жившие в России в первом поколении, сохраняли свою идентичность и привязанность к родине, могли как Иероним Табурно и Душан Семиз яростно защищать интересы Сербии. Однако во втором поколении как Вук Табурно, они уже утрачивали связь с сербскими землями. В то же время и оставаться в России после Октябрьской революции было не лучшим выбором, что показала судьба Семиза, и с чем, видимо, связано возвращение Чедомира Иоксимовича. В обновленной России следовало забывать о своем происхождении и становиться интернационалистом. Новые власти не терпели агентов иностранных государств.

69 Рафаиловић Ј.Љ. Индустијски развој на Балкану 1919–1929. године – компаративна анализа текстилне индустрије Бугарске и Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца: докторска дисертација. Београд, 2015. С. 278.

70 Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии. URL: <http://rn-belgrade.ru/necropolis/%D0%B8%D0%B9/#toggle-id-36> (Дата обращения: 30.09.2019).

Nikita Gusev, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Serbs-emigrants in Russia, who have defended the interests of the Mother-land during the Balkan wars and World War I. Four portraits: M.M. Bojović, I.P. Taburno, D.I. Semiz, C.M. Joksimovic

Abstract: The article shows the fate of the four emigrants from Serbian lands, who have lived in Russia and have defended the interests of Serbia in the public space. M. Bojović (1872–1917), who have worked in the newspaper «Russkoe Slovo» and in the magazine «Iskry», was a longtime friend of the leaders of the Radical party and he reported about the Balkan wars and World War I from Serbia. I.P. Taburno (1862–1913) was an employee of the «Novoe vremya» and a personal friend of N. Pashich. During the Balkan wars, he not only in the press, but also in the ruling circles of Russia has defended the interests of Serbia. Lawyer and publicist D.I. Semiz (1884–1955) during the Balkan wars defended at the public meetings the point of view of Belgrade, participated in the formation of the Serbian volunteer corps during the World War I. But he remained in Russia after 1917 and was repressed several times. C.M. Joksimovic (1873–1944) has worked in the textile industry, but at the appointed time, he delivered lectures in support of Serbia, sometimes without the knowledge of the government of the country. In the 1920's he returned home.

Keywords: Milan Bojović, Jerome Taburno, Dusan Semiz, Cedimir Joksimovic, Balkan wars, World War I.